

Заключительный раздел

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научном альманахе «СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: утрата и обретение идентичности» мы попытались рассмотреть различные стороны, аспекты, теоретические основания и модели идентичности. Проблемы идентичности сохраняют свою актуальность в междисциплинарном дискурсе социально-гуманитарного знания уже достаточно длительное время. Однако наблюдается несинхронность в их актуализации на Западе, в незападном мире и в России. Период пролиферации идентитета на Западе, и прежде всего в англоязычной критике, когда идентичность была модной научной концепцией, сменился сегодня некоторым разочарованием в этих моделях в силу их неспособности ответить на вопросы, связанные с субъектностью современного человека, его онтологическими, экзистенциальными, этическими и иными проблемами, а также с решением вопроса об универсализме и партикуляризме. В России же мы переживаем сегодня скорее пик интереса к концепциям идентичности, развиваемым отечественными исследователями в разных направлениях и на самых разных методологических основаниях.

Мы попытались бросить взгляд на калейдоскоп концепций идентичности, представленных авторами, как бы несколько отстранившись от самого мифа идентичности и проблематизировав его. Давать определения идентичности или тем более какой-то из ее ипостасей — дело благодарное, да и сомневаемся мы, что существует потребность в подобном определении. Ведь сколько концепций идентичности, столько и определений и все они имеют право на существование. Идентичность превратилась в своего рода концепцию без берегов, как реализм в советской эстетике. Доказательство тому — наш альманах. Наши размышления, появившиеся уже после того, как было написано большинство статей, представленных в этом альманахе, можно скорее причислить к жанру маргиналий, т.е. своего рода заметок на полях. Если процитировать «Маргиналии» Эдгара По, «забавно видеть, с какой легкостью всякая философская система может быть опровергнута: но не печально ли сознавать

невозможность даже вообразить то, что какая-либо отдельная система оказалась бы верной?»¹. Печально, но факт.

Ознакомление с концепциями идентичности, представленными в текстах статей альманаха, показало, что авторы стоят на совершенно разных, порой диаметрально противоположных гносеологических, онтологических, методологических и этических позициях. В какой-то мере это затрудняет возможности взаимопонимания, особенно если учесть традиционную для нашей исследовательской культуры эклектику подходов и не всегда отрефлексированный выбор парадигм и концепций анализа. Сами рубрики, названия и темы отдельных статей и разделов, которые были предложены для исполнения авторам, нередко относятся к совершенно разным школам, эпистемологическим традициям, дисциплинарным «отсекам» знания и жанрам научного дискурса.

Отсюда и объективные трудности воплощения этих задач, с которыми авторы попытались справиться каждый по-своему. Кто-то больше сконцентрировался на конкретной теме описательного исторического характера, кто-то попытался обобщить и проанализировать, в том числе и критически, определенные тенденции в разработке проблемы идентичности, кто-то выдвинул свое теоретическое обобщение и дал универсальное определение идентичности, кто-то написал свободное эссе — размышление публицистического характера, или посмотрел на идентичность с позиций собственной научной теории. Все эти работы интересны, и безусловно важны для альманаха. Вместе с тем следует отметить, что все же существует ряд установок в понимании идентичности, трактуемых авторами статей диаметрально противоположно, что, повторимся, крайне затрудняет возможности диалога и стыковки их текстов.

Наиболее фундаментальным разрывом в данном случае выступает разрыв *между сущностной (эссенциалистской) и конструктивистской трактовкой идентитета*. В этом вопросе даже в редакторском коллективе не раз возникали дискуссии. В конечном счете мы склонились ко второй позиции: идентичность концептуальна, а по мысли М.В. Тлостановой, вовсе лишена онтологичности. Отсюда возникает масса вопросов: кто ее конструирует, зачем и как. И отсюда, возможно, порой излишне критическое отношение редакции к мифологическим конструкциям вечной, исконной, универсальной, национальной и прочих идентичностей, щедро представленных на страницах некоторых статей, к любым попыткам дать позитивное определение идентичности как данности, а не процесса.

¹ По Э.А. Из маргиналий. Ноябрь 1844 – июнь 1849: Пер. Л. Мотылева. // Иностранная литература. № 3. 1999. <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/3/po.html>.

Среди членов редакционной коллегии возникли дискуссии относительно оценки текстов некоторых авторов и их позиций, поэтому мы решили сохранить суждения как авторские. Особенно это проявилось между нами – ответственными редакторами данного тома альманаха. Часть «внутренней» полемики мы выносим на суд читателей.

Предоставим вначале возможность М.В. Тлостановой для пояснения своего отношения к эссенциалистским концепциям идентичности, характерным для ряда статей: «Мой скепсис обусловлен двумя факторами: 1) постмодернизмом, который уже нельзя развоплотить, как бы мы к нему ни относились, который уже вошел в стиль любого серьезного теоретизирования, навсегда сделал любые метарассказы подозрительными (впрочем, я считаю постмодернистский проект недостаточно радикально порывающим с модерном, хотя и движущимся в верном направлении); 2) моей собственной сложной идентификацией внутреннего иного и человека границы, вечно играющего трикстера, жонглирующего своими “Я”. Из этой геополитики знания и бытия, перекликающейся к тому же с основным ходом движения эпистемологии в последние десятилетия, и вырастает мое далеко не однозначное отношение к идентичности, связанное прежде всего с установками деколониальной философии».

А теперь предоставим слово другому ответственному редактору Ю.М. Резнику: «Я бы хотел встать в защиту эссенциалистских трактовок идентичности человека, хотя и не считаю себя их ярким сторонником. Дело не только в нашем перманентном отставании от так называемой (по преимуществу западной) «мировой науки», но и в особенностях российского научного менталитета, связанного во многом с традициями русского философствования. Русская философия изначально была ориентирована на универсальные проблемы человеческого бытия. Отсюда проистекает ее интерес к темам соборности, богочеловечности, поиска русского пути, роли творческой интеллигенции и т.п. И хотя Мадина Владимировна считает, что постмодернизм прочно (и, возможно, навсегда) вошел в гуманитарно-научный дискурс, я не разделяю в целом этой позиции. Постмодернистский пафос многих отечественных работ, в т.ч. по проблеме идентичности, не продвинул научные исследования вперед, а лишь привнес сумятицу в умы и без того идейно дезориентированных исследователей.

Вместе с тем хотелось бы поддержать саморефлексию моего соредатора, который осознает себя как человека границы, вечно играющего трикстера. Мне близка такая жизненная и профессиональная позиция, поскольку в своем “постмодернистском” опыте участия в дискуссии я, оставаясь на позиции модерниста, очень часто ощущал себя игроком,

действующим на грани серьезного и несерьезного (ироничного), безусловного и условного, традиции и инновации (и это, кстати, отмечает и мой соредaktor в своем отзыве на мою статью)».

С этим первым разрывом, обнаружившемся в редколлегии альманаха и генерирующим расхождения в оценках текстов, связан и *второй*, который мы определяем философски как *разрыв между тождеством и различием*. Здесь также проявляются различия во взглядах: Ю.М. Резник склоняется больше к первой позиции, а М.В. Глостанова — ко второй. Это отражается и в их оценках авторских работ. По мнению Глостановой, «те из авторов, кто придерживается эссенциалистской трактовки идентичности, как правило, тяготеют и к тождеству, сводя проблему идентичности к внутренним вопросам психологии (или психопатологии) некоего абстрактного человека вообще и не видя наиболее болезненных вопросов идентитета в современном мире, связанных с различием как «обынаковлением» (расовым, сексуальным, гендерным, социальным, политическим, религиозным и т.д.). В тех же США идентичность, — считает она, — уже давно равняется по умолчанию различию (вплоть до того, что обычный американец-англосакс на вопрос об идентичности ответит, что ее у него нет, поскольку он «нормален», а значит, не маркирован в смысле идентитета)».

«Но мы живем, к счастью или несчастью, не в США, а в России — отвечает ей Ю.М. Резник, — и для нас вопрос идентичности весьма актуален и его нельзя свести к обынаковлению. Как исследователи мы имеем дело с другой реальностью, чем той, которая живет в воображении моего оппонента. Перефразируя слова классика, можно сказать так: для того, чтобы разъединиться, понять свои различия, надо вначале объединиться, осознать свою культурно-историческую общность. Российская нация духовно разобщена и переживает сегодня глубокий культурный кризис. И в этой ситуации без общественных идеалов не обойтись. Отсюда возникает потребность у некоторых исследователей в адаптированных концепциях идентичности. Это — их право как ученых и гражданская позиция».

Вместе с тем редакторы солидарны во мнении, что в отечественной науке рассуждения об идентичности часто строятся на сильно устаревших или не имеющих к нашей реальности никакого отношения западных источниках, либо воспроизводят знакомые имперские мифы, которые подкрепляются снова западными авторитетами, причем чаще правого, консервативного крыла. Психологическое объяснение этому есть — еще свежа память о социализме, и поэтому любой левый или окологлавый, а тем более альтер-модерный дискурс воспринимается в России с подозрением и недоверием. И в итоге происходит призрачное удвоение и ис-

кажение всех современных концепций: весь мир под идентичностью понимает одно, а мы изобретаем свое, в итоге оказывающееся абсолютно иным. Это, конечно, не подлежит осуждению, но необходима, на наш взгляд, хотя бы минимальная (само)рефлексия по этому поводу, а также четкое осознание того, что наполненные вполне определенными смыслами тексты способны породить процессы и действия.

Отсюда вытекает и *третий разрыв*, который можно назвать прагматическим. Он связан с неким объективирующим субъектно-объектным драйвом, который ведет либо к монотопической герменевтике, либо к чистой описательности и обзорности вместо проблемности, к декоративным дисциплинарным привязкам (идентичность в антропологии, культурологии и т.д.), к центрации объекта или предмета, вместо его расшатывания и проблематизации. В этой области и проходит водораздел между редакторами и авторами альманаха, между механизмами генерирования текстов и их архитектурой (вопросом русской формальной школы: как сделан текст).

Фактически, здесь могут быть два варианта решения: 1) те, кто, демонстрируя основательное знакомство с мировой научной рефлексией по поводу идентичности, проводит глубоко авторский критический анализ условий и причин разворачивания этой проблематики; 2) те же, кто пытается наложить трафарет собственной готовой теории на жизненный мир человека, отобрать в исследуемом феномене лишь то, что ложится в авторское представление об идентичности или сконструировать абстрактно-универсальное понятие идентичности.

По мнению М.В. Глостановой, второй подход менее продуктивен, хотя она признает, что такие тексты имеют право на существование, дополняя цветущую сложность нашего альманаха своими обертонами. С точки зрения Ю.М. Резника «предпочтительным оказывается первый подход, который не исключает рефлексии мировой, т.е. западной мысли или знакомство с работами авторов незападных стран, к которым питает симпатию М.В. Глостанова. Я считаю, что без универсалистских и эссенциалистских концепций нельзя обойтись совсем. Они нужны не только как игра воображения и тренировка ума исследователей, но и как реальная альтернатива партикуляристским трактовкам человека и его идентичности, к чему фактически призывает Мадина Владимировна. Без их взаимодополнительности нельзя представить себе полноценный научный дискурс. Я уважаю антиэссенциалистскую установку моего оппонента и принимаю во многом ее критику *универсального субъекта* (например, идею родового человека в моей трактовке). Но что предлагается на смену такому субъекту — «частичный», неполный, вечно «незавершенный» проект

человека, который находится в конфликте с самим собой, и обречен до конца своих дней пребывать с этим в экзистенции. Стоит ли отвергать с ходу или недооценивать отдельные попытки теоретизирования, в т.ч. выдвижение некоторых оснований для построения общих (по своему эпистемологическому статусу) концепций человека?».

Фиксируя различия во взглядах как нормальную ситуацию в науке, редакторы альманаха не считают нужным сглаживать обнаружившиеся противоречия. Поэтому они предлагают читателям познакомиться с полемикой, которая состоялась в связи с обсуждением авторских текстов.

В заключение хотелось бы выразить авторам данного выпуска альманаха огромную благодарность за вдумчивое и кропотливое осмысление сложной и многогранной проблемы идентичности современного человека и попытку предложить свои варианты интерпретации этого феномена, возможно не во всем и не всегда верные, но, несомненно, имеющие право на существование и вносящие свою лепту в решение задачи более глубокого и нюансированного понимания субъектности индивида как в контексте общества и культуры, так и в сложностных условиях пост-современности.

Ю.М. Резник, М.В. Тлостанова